

до 9 термидора революция выпустила около 8 млрд. ассигнаций, термидорская реакция ухитрилась в *15 месяцев* выпустить их на совсем невероятную сумму *30 млрд.* Легко представить себе, какие состояния наживали ловкие дельцы благодаря этим массам денежных знаков, пущенных в обращение.

Еще раз попробовали революционеры-коммунисты в IV году (май 1796 г.) под предводительством Бабефа поднять восстание, подготовленное их тайным обществом; но их арестовали раньше, чем восстание успело вспыхнуть. Точно так же кончилась неудачей их попытка поднять лагерь в Гренелле в ночь 23 фрюктидора IV года (9 сентября 1796 г.). Бабеф и Дарте были приговорены к смерти и убили себя ударами кинжала (7 прериала V года) раньше казни. Но и роялисты тоже потерпели неудачу 18 фрюктидора V года (4 сентября 1797 г.); вследствие чего Директория продержалась еще года два, до 18 брюмера VIII года (9 ноября 1799 г.).

В этот день бывший ярый санкюлот Наполеон Бонапарт сделал свой государственный переворот, и народное представительство было уничтожено генералом, за которого стояла армия. Война, длившаяся уже семь лет, дошла таким образом до своего логического заключения. 28 флореала XII года (18 мая 1804 г.) Наполеон был провозглашен императором, и война возобновилась, после чего продолжалась еще с короткими перерывами вплоть до 1815 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

При виде того, как Конвент, грозный и могучий в 1793 г., пришел в полный упадок два года спустя, как республика, полная, казалось, живых сил, погибла в несколько лет и как Франция, пройдя через разлагающий строй Директории, подпала в 1799 г. под военное иго Бонапарта, нередко ставился вопрос: «К чему революция, если после нее страна должна опять подпасть под чье-нибудь иго?» И в течение всего XIX в. повторяли этот вопрос; причем люди состоятельные и люди робкие пользовались им как непобедимым доводом против всяких внезапных переворотов.

Страницы этой книги отвечают на подобные вопросы. Задавать их могут только те, кто видит во Французской революции одну лишь смену правительств и совершенно не замечает выполненного ею экономического переворота и ее воспитательного значения.

Действительно, экономическое преобразование Франции, совершившееся во время революции, было так велико и глубоко, что Франция, какой она представлялась в самом конце XVIII в., в минуту наполеоновского государственного переворота, была уже вовсе не та Франция, какой она была накануне 1789 г. Разве дореволюционная Франция, в которой чуть не треть обнищавшего крестьянского населения голодала едва ли не каждый год, могла бы выдержать все тягости и разорение наполеоновских войн, продолжавшихся еще 15 лет, после войн, вынесенных уже республикой в 1792–1799 гг. для отражения нападения всей Европы?

Но в 1792 и в 1793 гг. создалась уже новая Франция. Во многих ее департаментах население все еще страдало от недостатка хлеба, а после термидорского переворота, когда реакция отменила максимальную таксу на жизненные припасы, выпуская вместе с тем массы ассигнаций, цены на все поднялись до ужасающей высоты. Некоторые департаменты и после 1793 г. все еще выращивали недостаточно хлеба для своего пропитания; а так как война не прекращалась и перевозочные средства поглощались ею, то в этих департаментах хлеба еще не хватало. Но из всех данных, которыми мы располагаем, ясно выступает одно: Франция производила уже *гораздо больше* жизненных припасов, чем она производила в 1789 г.

Никогда еще не было во Франции такой энергичной пахоты, говорит Мишле, как осенью 1792 г., когда крестьяне вели борозду по землям, отнятым ими у помещиков, у монастырей, у церквей, и, подгоняя своих волов, кричали на них: «Тяни, Пруссия! Вытягивай, Австрия!». Никогда еще не было столько поднято нови, как в эти годы революции, с этим согласны даже реакционные историки. Первый хороший урожай в 1794 г. дал уже достаток двум третям Франции - ее деревням, само собой, так как города вследствие войны продолжали жить под угрозой голодовки. Не потому, чтобы для них не хватало хлеба, или чтобы муниципалитеты не принимали меры для прокормления безработных; но весь рабочий скот в деревнях, свободный от полевых работ, был отобран для подвоза припасов и боевых запасов 14 армиям республики, отбивавшимся от иностранного вторжения. Железных дорог тогда не было, а сельские дороги были еще в том состоянии, в каком они теперь в России.

Но везде в деревнях народилась уже новая Франция за эти четыре года революции. *Крестьянин наедался досыта* в первый раз за последние несколько сот лет. Он разгибал наконец свою спину! Он